

Волкова Татьяна Фёдоровна

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В данной статье обозначены перспективные направления лингвоперсонологических исследований с учётом актуальности проблем, связанных с комплексным описанием феномена языковой личности: дано определение языковой личности применительно к публичной сфере общения, определена структура публичной языковой личности, обозначены подходы к созданию типологии публичных языковых личностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/17.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 60-63. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Н. Е. Разумова подчеркивает, что у Чехова, в отличие от Гауптмана, у которого значение символов носит перманентный характер, смыслы символов не заданы изначально, а наполняются конкретным содержанием в соприкосновении с отдельно взятым персонажем. Поэтому герои Чехова получают большую самостоятельность, способность «моделировать» свое поведение и позицию по отношению к миру. Гауптман пытается показать героя объективно, уравнивая его со всеми другими (все в пьесе «Одинокие»), но у него это не получается, потому что равенства среди персонажей нет для самого автора: ему ближе всех именно герой. Треплев же не является для Чехова центральной, эксклюзивной фигурой - достаточно вспомнить хотя бы, что свои собственные представления и даже прямые суждения о литературе (повторяющие его высказывания в письмах) Чехов распределяет между Треплевым и Тригоринным, явно не стремясь их полностью противопоставить. Для Чехова все персонажи существуют в «демократическом» равенстве; они тоже «одинокие», но он смотрит на них с иной позиции, чем Гауптман: как бы с высоты птичьего полета, со стороны мира, объективно, не отождествляясь ни с кем. И именно с этой новой позиции все их мнения, переживания, страдания и даже смерть могут быть увидены как «комедия» - комедия в чем-то различного, а по сути одинакового (в своей ограниченности) восприятия единой для всех ситуации человека в мире.

Список использованной литературы

1. **Андреевич.** Герхарт Гауптман. Одинокие люди: Драма в 5 д. / Пер. О. Н. Поповой. - СПб., 1899 // Жизнь. - 1899. - Т. 4.
2. **Венгерова З. Г.** Гауптман. Критический очерк // Вестник Европы. - 1896. - Ноябрь.
3. **Гуревич Л.** Драматическая сказка Гауптмана // Жизнь. - 1900. - Т. V. - Май (Новости иностранной литературы).
4. **Зингерман Б.** Очерки истории драмы XX века. - М., 1979.
5. **Иван Иванов.** Из западной культуры. Культурные плоды германского одиночества. По поводу книги G. Hauptmann, Adolph Bartels. - Weimar, 1897 // Мир божий. - 1898. - № 2.
6. **Нани С. П.** Гауптман и его произведения // Новый журнал иностранной литературы. - 1898. - Май.
7. **Полонский Л. А.** Герхарт Гауптман. Литературный очерк // Вестник Европы. - 1907. - № 3. - Т. II.
8. **Разумова Н. Е.** Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. - Томск, 2001.
9. **Рейнгольд А. А.** Драматург-реформатор // Книжки недели. - 1893. - Июнь.
10. **Фейгин Я. А.** Письма о современном искусстве // Русская мысль. - 1900. - Кн. I.
11. **Фриче В. М.** Очерки по истории западноевропейской литературы. - М., 1908.
12. **Фриче В. М.** Художественная литература и капитализм. - М., 1906. - Т. I.
13. **Hauptmann G.** Ausgewählte Dramen: In 4 Bänden. - Berlin, 1956. - Bd. I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Волкова Т. Ф.

Томский политехнический университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Орловой О. В. и к.ф.н., доц. Тюриной И. И.

В данной статье обозначены перспективные направления лингвоперсонологических исследований с учётом актуальности проблем, связанных с комплексным описанием феномена языковой личности: дано определение языковой личности применительно к публичной сфере общения, определена структура публичной языковой личности, обозначены подходы к созданию типологии публичных языковых личностей.

В последние десятилетия, особенно начиная с 90-х гг. XX в., в центр исследовательских интересов учёных активно выдвигаются проблемы, связанные с различными проявлениями личностного начала в языке. На данный момент происходит становление новой области научного познания – антрополилингвистики, или лингвистической персонологии, с собственным объектом, методами и задачами. Разрабатываются теоретические основы направления, связанные с его ключевым понятием - языковая личность (ЯЛ). Предлагаются разные определения ЯЛ, выявляется ее структура, создаются различные типологии ЯЛ. Одним из лингвистических центров, где уже на протяжении более 20 лет успешно решается проблема изучения языковой личности на диалектном материале, является Томская лингвистическая школа.

Е. В. Иванцова, один из наиболее авторитетных представителей антрополилингвистического направления Томской лингвистической школы, утверждает: «Хотя термин «языковая личность» возник довольно давно, а в наши дни активно употребляется, до сих пор он почти не нашел отражения в лингвистических справочниках» [1: 7]. Проанализировав различные подходы к основному понятию лингвоперсонологии, Е. В. Иванцова приходит к выводу, что в большинстве случаев понятие ЯЛ исследователи связывают с речевой способностью человека, и даёт собственное определение: ЯЛ - это «... личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [1: 10].

Для нашего исследования актуально рассмотрение языковой личности в условиях публичного общения, т.к. на данном этапе достаточно глубоко изучен феномен диалектной ЯЛ, типы языковых личностей как представителей определённого социального слоя, а релевантного определения публичной ЯЛ в лингвоперсонологии нет. Под публичной сферой общения традиционно рассматривается коммуникация, которая предполагает непосредственный контакт оратора и аудитории, а также количество участников от 10 и более.

Публичной языковой личностью следует считать личность, которая имеет регулярный опыт публичных выступлений и сложившийся речевой имидж, способствующий созданию известности, популярности человека или идеи [2]. К подобным личностям можно отнести известных политиков, общественных деятелей, учёных, людей творческих профессий, а также рядовых носителей языка, преимущественно лидеров мнений (людей, способных оказывать сильное влияние на установки или поведение других индивидов в нужном направлении).

Наиболее эффективным способом выявления структуры ЯЛ является анализ её речевого портрета. Речевой портрет - это отражение реальной сущности языковой личности «в ее единстве общего, типичного и индивидуального» [1: 21]. Его описание осуществляется путём обращения к речи конкретной языковой личности и характеристике трёх основных слагаемых: «лексикона, текста и метаязыкового сознания» [1: 21]. С целью описания структуры публичной ЯЛ мы можем воспользоваться термином «речевой имидж». Соотношение понятий «речевой портрет» и «речевой имидж» можно считать одной из важных теоретических лингвоперсоналогических проблем, актуальных для теории связей с общественностью и рекламы, политической лингвистики и медиалингвистики [3; 4].

Вследствие функционирования понятия «имидж» в теоретическом и методологическом поле разных наук социально-гуманитарного цикла (психологии, социологии, лингвистики и др.), дать определение речевого имиджа не так просто, как представляется на первый взгляд. Ещё сложнее определить методологию его исследования. Можно отметить различия в терминологии. Например, В. А. Даулетова использует термин «автоимидж» и определяет его «... как национально и гендерно маркированный образ «я», сложившийся в сознании индивида как собственно личности, так и представителя института. Он является одной из составляющих понятия «имидж», однако ... приобретает глубину, многогранность и автономность, что выражается в его уникальной структуре (3 компонента: «собственно Я», «Я со стороны» и «Я идеальное») и вербальных средствах его объективации» [5].

Мы используем термин «речевой имидж» и понимаем под ним стандартное речевое поведение говорящего субъекта в рамках заданной коммуникативной ситуации. Речевой имидж поддается коррекции и трансформируется с учетом потребностей и задач, которые стоят перед публичной языковой личностью [6]. Итогом работы в этом направлении должно стать выявление отдельных специфических элементов речевого портрета как индивидуальных способов формирования речевого имиджа, которые обеспечивают публичной языковой личности коммуникативный успех или, напротив, коммуникативную неудачу. Полученные выводы в перспективе могут способствовать их экстраполяции на речевое поведение подобных по типу публичных языковых личностей с целью моделирования «идеального» речевого имиджа, а также описания и корректировки социокультурных и прагматических эффектов.

Что касается типов ЯЛ, интересующих учёных, то можно утверждать, что на данном этапе имеется фундаментальное описание феномена диалектной ЯЛ [1], существует большое количество исследований, посвящённых описанию творческих личностей и политических лидеров, но комплексного описания и научно обоснованной классификации публичных ЯЛ не существует.

В данной работе одной из основных задач является разработка типологии публичных ЯЛ. Реконструировав фрагменты публичных ЯЛ разного типа, можно выявить, во-первых, общее и индивидуальное в речевом имидже публичной ЯЛ определенного типа, во-вторых, эффективные способы структурирования основы речевого имиджа определенного типа и способы индивидуализации речевого имиджа публичной ЯЛ.

Продуктивным для комплексного анализа речевого портрета как основы речевого имиджа представляется использование метода составления комплексного и фрагментарного речевого портрета, предложенного Е. В. Иванцовой [7]. Фрагменты речевого портрета становятся основой для анализа речевого имиджа публичной языковой личности. Благодаря применению данной методики есть реальная возможность плодотворного изучения отдельных языковых личностей, но следующим этапом должен стать поиск объединяющих моментов, которые определяют тип личности, её социальную природу. Например, в данной статье мы сопоставили речевой имидж известных актёров, чьё речевое поведение, во-первых, связано с речевой свободой, а, во-вторых, является авторитетным для современников, и речевой имидж региональных политических лидеров для выделения индивидуальных и типичных способов формирования целостного речевого имиджа. Материалом послужили фрагменты личных интервью и публичных выступлений.

Если объектом исследования становится публичная языковая личность, в отличие от языковой личности в теории Е. В. Иванцовой, то набор основных составляющих речевого портрета: лексикон, текст и метаязыковое сознание, несколько меняется. Прежде всего отметим, что на фонетическом и грамматическом уровне особенности речи рядового носителя языка обычно проявляются в наименьшей степени. Однако для звучащей речи публичной языковой личности такие фонетические характеристики, как темп, тембр, интонация, особенности произношения и т.д., могут стать решающими при контакте с прямой и опосредованной аудиторией. Грамматическая же правильность является показателем высокой речевой культуры, которой часто недостаёт некоторым публичным языковым личностям.

Лексический уровень, включающий разнообразные составляющие, традиционно даёт богатый и наиболее показательный материал для изучения языка отдельной личности. Например, разговорная лексика в речи изученных нами творческих личностей резко контрастирует с общеупотребительной и книжной лексикой (даже на уровне графической подачи употребляется в кавычках), придавая высказываниям актёров оригинальность, вплоть до изысканности, и выдавая представителей элитарной речевой культуры: «Если ты бу-

дешь искать только «фишки-фенечки» и «примочки», то это будет уже не театр, а юморины нашего телевидения» (М. С. Боярский); «Думаю, сейчас и без меня достаточно авторов «развлекухи»; «Это же не шутки на уровне физиологии, не хохмы ниже пояса. Они «дурят» зрителя на уровне идеи, на уровне глубочайшего понимания материала, на уровне высочайшего отношения к профессии, уважения к зрителю!» (В. Б. Ливанов). Разговорная лексика также является неотъемлемой частью речевого портрета исследуемых региональных политиков (мэра сибирского города и председателя областной Думы). При помощи подобной лексики личность, имея иную коммуникативную цель, нежели творческая личность, достигает очень важного PR-эффекта - возможности объединиться с любой аудиторией. Поэтому резкого контраста внутри фраз не наблюдается: «Но им вклиниться некуда»; «Жила в развалюхе, засыпушке»; «Но душу это грело»; «Мы не будем душить этот бизнес», «У нас в Томске снова появились совковые магазины, где кроме продавщиц, частика в томатном соусе и засиженного мухами сыра, ничего нет»; «Многие территории столь рьяно не бегут исполнять все указания центра, которому наплевать на всех нас, живущих здесь в Сибири».

На текстовом уровне, наиболее сложном для интерпретации, индивидуальные особенности речевого портрета любой языковой личности проявляются особенно ярко. Например, для речи М. С. Боярского характерно употребление прецедентных текстов в виде цитат из художественных произведений («Да, все умерли. Гора трупов, слезы и мораль: «нет повести печальнее на свете». Но! Но все зависит от того, как эта история сыграна); обилие однородных членов, зачатую расположенных про принципу градации («Женщина - это, прежде всего красота, обаяние, любовь, ласка. Она должна хранить очаг, рожать детей и ждать мужа с работы»); использование в качестве уточняющих членов предложения вводных слов: «Вот, допустим, Жаров и Андровская играют «Медведя» Чехова, это - партнерство». Подобное речевое поведение демонстрирует эрудированность языковой личности и избирательный подход при выборе языковых средств. Для речевого портрета таких актёров, как В. Б. Ливанов, А. А. Миронов, характерно использование большого количества определений, что характеризует их личности как рациональные, логически мыслящие: «Наше главное зло - нравственный упадок. Если Бог для нас - рубль, тогда - конец нации. Традиция - не повторение одного и того же» (В. Б. Ливанов); «Этот волнующий акт общения и взаимопонимания - праздник искусства, который возникает, даже если перед нами разворачивается трагедия. Это - праздник чувств, праздник познания жизни и людей» (А. А. Миронов).

Излюбленным способом построения текстов бывшего мэра г. Томска является использование образных выражений и в первую очередь сравнений: (Больные, как в тюрьмах лежат»; «У нас зав. отделениями превратились в английских королей - ни за что не отвечают»). Эти средства могут быть как общеупотребительными, так и индивидуально-авторскими. Сравнения воспринимаются слушателями наилучшим образом вследствие простоты, доступности связанного с ними способа организации информации. Образ ироничного и умного человека, жёсткого и быстрого в оценках, формируется за счёт обилия оценочных аргументов, которые, как известно, легко сочетаются с другими видами аргументов, причём среди оценок преобладают иронические с элементами сарказма. В целом в речи регионального политика риторический, эмоциональный способ организации аргументации преобладает над логическим, рациональным.

Убеждающее воздействие высказываний председателя областной Думы базируется прежде всего на сочетании различных типов рациональных и риторических аргументов: фактов («Тысячи семей даже сегодня не получили зарплату за ноябрь-декабрь, в основном это работники бюджетной сферы»); статистики (Объём промышленной продукции снизился на 6,4%, в том числе в машиностроении, металлообработке - на 37,4%»); иллюстративных аргументов («В Александровском районе предприниматель Кротов 2 года не может получить лесную деляну. Зато власти через суд взыскали с него 7 млн. рублей за неуплату за патент о рубке леса!»); образных аргументов («Местная власть еще более нищая, чем канцелярская крыса»); оценочных аргументов («Мы считаем, что Чечня - это неотъемлемая часть России»).

Подчеркнём, что описание особенностей метаязыкового сознания публичной языковой личности не представляется практически значимым. Зато невозможно обойти вниманием при характеристике публичной языковой личности невербальные средства, закономерный интерес к которым вызвал рост значения визуальной информации в современной коммуникации. Изучение невербальных способов формирования речевого имиджа - перспективная задача для дальнейших лингвоперсонологических исследований.

Таким образом, мы, дав определение публичной ЯЛ и описав её структуру, предприняли попытку создания типологии публичных языковых личностей на основе анализа их речевого имиджа посредством метода комплексного моделирования речевого портрета.

Сопоставительный анализ речевого имиджа политиков и актёров показал, что одни и те же языковые средства как фрагменты речевого портрета в речи представителей элитарной (представители искусства) и массовой разговорной (региональные политики) культуры выполняют разные функции.

Круг языковых средств, при помощи которых есть возможность индивидуализировать речь и выделить среди основных типов публичных ЯЛ подтипы, достаточно широк. Это прецедентные тексты, образные средства, вводные конструкции, специфика аргументации и многие другие. Указывая их функции в речи конкретных языковых личностей, мы можем рекомендовать употребление этих же средств языковым личностям подобного типа для построения идеального имиджа, соответствующего потребностям аудитории.

1. **Иванцова Е. В.** Феномен диалектной языковой личности. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. - 312 с.
2. **Волкова Т. Ф.** Публичная языковая личность: к определению понятия // Социальная работа, реклама и связи с общественностью в новом коммуникативном пространстве: Материалы III Всероссийской ежегодной научно-практической конференции. - Томск, 2006. - С. 262-265.
3. **Чудинов А. П.** Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. - Екатеринбург, 2003. - 248 с. - <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>.
4. **Чуриков М. П.** Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2005. - 18 с. - <http://rspu.edu.ru/projects/deutch/churikov.html>.
5. **Даулетова В. А.** Вербальные средства создания автоимиджа (на материале русской и английской биографической прозы). - Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Волгоград, 2004. - 22 с. - <http://kubstu.ru/docs/lingvoconcept/autoref4.htm>.
6. **Волкова Т. Ф.** Соотношение понятий «речевой портрет» и «речевой имидж» как методологическая проблема лингвоперсонологических исследований в теории связей с общественностью // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция «PR-универсум 2006»: Сб. материалов. - Томск: Дельтаплан, 2006. - С. 24-26.
7. **Иванцова Е. В.** Проблемы изучения языковой личности: Учебное пособие к спецкурсу. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. - 74 с.

КАТЕГОРИЯ ДЛИТЕЛЬНОСТИ КАК КОМПОНЕНТ ПОЛЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

Волостнова Н. Н.

Казанский государственный энергетический университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Молостовой Е. П. и к.ф.н. Лутфуллиной Г. Ф.

В данной статье речь идет о категории длительности, которую мы рассматриваем не только как протекание времени во времени, но и каким образом категория длительности представлена в поле аспектуальности, определяем внутреннюю и внешнюю длительность, анализируем длительность в отношении к пределу.

Значение длительности представляет собой одну из сторон отражаемого в языке широкого понятия времени. Речь идет о времени в том смысле, который вложен в философские определения, основанные на понимании пространства и времени как объективных форм существования материи, отражаемых в сознании человека. Говоря здесь о понятии времени, мы предполагаем, что оно находит соответствие в целом комплексе языковых семантических категорий и основанном на них ФСП (функционально-семантическое поле). Этот комплекс включает аспектуальность, временную локализованность, таксис и темпоральность. Длительность - одна из более частных языковых категорий, которая относится к области аспектуальности (при пересечениях и взаимодействии со всеми указанными семантическими категориями, связанными с идеей времени).

Длительностью, иначе говоря, продолжительностью во времени, обладают все действия, так как глагол, который и служит для выражения действия (в широком смысле этого слова, включающем «состояние», «отношение» и т.д.), в любом случае создает в сознании человека представление о времени, необходимом для названного действия. Само понятие времени, представленное в сознании человека в виде действия - процесса - длительности, является неотъемлемой чертой природы глагола, чертой непременно ему свойственной, представляющей его «внутреннее» время [Реферовская 1984: 91].

С философской точки зрения взаимосвязь временной локализации и продолжительности действия отражает диалектическую связь онтологических свойств времени - длительности, проявляющей тождественность явлений, и следования, проявляющего изменчивость явлений. Один из первых, кто провел различие между временем и длительностью в философии, был Р.Декарт. Длительность, с его точки зрения, представляет один из общих атрибутов, относящихся как к материальным вещам, так и к духовным явлениям. В отличие от длительности, время только модус мышления. Время «есть мера длительности» [Декарт 1950: 280].

Необходимо проводить различие между понятиями внутренняя длительность действия - длительность, обусловленная его собственными аспектуальными признаками, заключенными в лексической, словообразовательной и грамматической семантике глагола, и внешняя детерминация длительности - характеристика временной протяженности действия, определяемая показателями, находящимися за пределами предиката.

Внутренняя длительность имеет явно выраженную аспектуальную природу: речь идет о «внутреннем времени» действия. Аспектуальной характеристике действия служат и средства внешней детерминации длительности.

Аспектуальное значение длительности может взаимодействовать с темпоральностью. По мнению А. В. Бондарко, в самих обозначениях периода времени (две недели, три месяца, за много лет, на секунду и т.п.) есть своего рода «объемная темпоральность». Но подобное обозначение «объемов времени» следует рассматривать не изолированно, а по отношению к определенному действию с его внутренней длительностью. В таком случае аспектуальные элементы «временных объемов» включаются в характеристику внутреннего времени действия. И именно с этой точки зрения языковое значение длительности в целом (включая и